

Петр I: pro et contra

СОХРАНЕНИЕ СУВЕРЕНИТЕТА, АБСОЛЮТИЗМ И РЫВОК К ИМПЕРИИ



В этом году исполнилось 350 лет со дня рождения Петра Первого, которого еще при жизни называли Великим за его свершения и победы, сделавшие Россию великой державой. С читателями «Журнала Московской Патриархии» анализом эпохи Петра и своими рассуждениями о личности монарха, мотивах и предпосылках его реформ поделился профессор Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета, доктор церковной истории **Владислав Петрушко**.

Отношение к императору Петру Великому в России всегда было полярным. Для одних он — великий реформатор, полностью преобразовавший страну и сделавший ее великой европейской державой. Для других — тиран, обезглавивший Русскую Церковь и подчинивший ее своей самодержавной власти, насильственно прервавший естественное развитие России как самобытного государства, основанного на православной монархической традиции, приемницы Византии. Так кто же он на самом деле?

Вестернизация по наследству

Как все великие личности, Петр I крайне противоречив и многогранен. Среди его деяний можно найти как те, что принесли Отечеству несомненную пользу, так и те, что в дальнейшем обернулись тяжелейшими последствиями. Более того, одни и те же начинания и реформы царя Петра зачастую одновременно несли славу России и бедствия русскому народу. Разграничить и отделить одно от другого в делах Петра Великого, дать им какую-либо однозначную оценку на самом деле довольно трудно. Да и нужно ли?

Петру I, прежде всего, адресуют упреки в том, что он резко порвал с русской национальной традицией — как в государственно-политическом, так и культурном отношении, и осуществил не просто модернизацию, но так называемую вестернизацию России, насильственно переустроив страну по европейскому образцу.

Однако в реальности Петр лишь продолжил курс, начавший формироваться еще в царствование его отца — Алексея Михайловича. Именно этот государь инициировал реформу в русской армии, впервые введя в ней так называемые «полки нового строя», сформированные и обученные по образцу западноевропейских армий. В то же время Алексей Михайлович заимствовал у Запада и многие новшества в культурной сфере. В частности, именно при царе Алексее в Москве в 1672 году впервые появляется театр. Ставший воспитателем царских детей Симеон Полоцкий прививал им традиции западноевропейской культуры, которую он стремился адаптировать к условиям Москвы. Так, например, благодаря Симеону Полоцкому в России начинает активно развиваться виршевая поэзия. Русская иконопись все более обретает в это время черты фряжского стиля и приближается к западной живописи. Получа-

ет распространение жанр парсуны — светского портрета.

Следует также отметить, что при Алексее Михайловиче на службу в Москву из Европы приезжает множество иноземцев. Подобное имело место и прежде, начиная со времени Ивана III, однако при Алексее Михайловиче масштабы этого явления были уже таковы, что оно не могло не оказать влияния на русскую культуру, быт и нравы. Тем более что иностранцы стали активно вливаться в ряды российского служилого дворянства, занимать видные посты на государевой службе. Внимание многих москвичей неизменно привлекала своими вольным порядками, столь отличавшимися от старого русского уклада, основанного на Домострое, невероятно разросшаяся во второй половине XVII века Немецкая слобода. Впоследствии именно в ее специфической атмосфере началось формирование западничества царя Петра.

Одни и те же начинания и реформы царя Петра зачастую одновременно несли славу России и бедствия русскому народу. Разграничить и отделить одно от другого в делах первого российского императора довольно трудно.

Западноевропейское влияние в Москве стало еще более ощутимым в царствование старшего брата Петра I — Федора Алексеевича, воспитанника Симеона Полоцкого. При царе Федоре в Московском Кремле открывается так называемая Верхняя типография, в которой печатаются первые издания светского содержания. В вину Петру I часто ставится насильственное насаждение западноевропейской моды. Однако вспоминая, как царь Петр резал у своих подданных полы кафтанов и отстригал бороды,



*Б. А. Чориков.
Провозглашение
Петра I
императором.
Книжная
иллюстрация
первой половины
XIX века*

почему-то нередко забывают, что брить бороду (правда, оставляя при этом усы — по образцу польских шляхтичей) стало модным у московской знати уже при царе Федоре, и по приказу именно этого государя в Кремль было запрещено пускать лиц в старом московском платье. Так что Петр Алексеевич отнюдь не изобретал ничего нового, насаждая европейскую моду и быт, но лишь следовал в этом линии своего старшего брата.

Но все же главным для характеристики царствования Федора Алексеевича является не стремление к насаждению западноевропейских обычаев и культуры. Именно этот молодой государь, до крайности болезненный и обреченный на скорую смерть, начинает в России масштабные реформы, призванные полностью изменить облик Московского царства, еще более приблизив его к европейским стандартам того времени.

Такая вестернизация Российского государства часто находит негативную оценку как процесс, который не только в значительной мере лишил Россию самобытности в самых разных сферах, но и поляризовал русское общество, разделив его на европеизированную элиту и патриархальные низы, между которыми в результате возникло не только социальное, но и культурное средостение. Во многом подобные оценки справедливы. И все же не стоит забывать, что в случае отказа от этих мучительных для страны и народа преобразований вполне реальной была перспектива достижения такого уровня отставания России от ведущих евро-

пейских держав, который был чреват для нее потерей своего суверенитета и превращением в колонию (скорее всего, британскую, если вспомнить сколь активны были англичане на Русском Севере в XVI — XVII вв.).

Между колонией и империей

Лишь радикальная перестройка всего государственного организма, и прежде всего — русской армии (российский флот вообще при этом создавался с нуля), а также интенсификация экономики позволили России достичь такой военной и экономической силы, при которой не только был полностью снят вопрос о возможной потере суверенитета, но Московское государство перешло к активной внешней политике и в кратчайшие сроки превратилось в великую державу, играющую ключевую роль на Европейском континенте. Фактически на рубеже XVII — XVIII вв. Россия стояла перед выбором: стать колонией или империей. Избрав второе, Петр I, несмотря на все издержки и драматизм процесса строительства не обновленной, а, по сути, совершенно новой России, избавил страну и народ от гораздо худшей участи. Пример некогда могущественных держав — Индии эпохи Великих Моголов или Китайской империи, ставших жертвами колониальной агрессии европейских «хищников» примерно в то же самое время, наглядно показывает, какую угрозу отвели от России реформы Петра I, начатые еще его предшественниками на престоле.

В отношении методов, которые использовал царь Петр для ускоренной модернизации страны, также часто звучат упреки. При этом и сами результаты этого процесса также оцениваются отрицательно. Если в Западной Европе вполне естественным путем развивалась основанная на капиталистических отношениях экономика, то в России на создаваемых по воле царя мануфактурах и заводах, как правило, приходилось трудиться крепостным. Это действительно порождало невиданные доселе и совершенно дикие формы крепостной зависимости, фактически приближающиеся к рабству, которые, в отличие от Западной Европы, и становились основой развивающейся российской промышленности.

Впрочем, и с сельским хозяйством происходило то же самое: при Петре I и его ближайших

преемниках на протяжении всего XVIII столетия крепостное право в Российской империи развилось до гигантских масштабов, при которых, по сути, была стерта грань между холопами и крестьянами, превратившимися в полную собственность своих помещиков. В результате крепостное право к XIX веку стало в Российской империи практически неразрешимой проблемой, с которой ничего не смогли сделать ни Александр I, ни Николай I, искренне и деятельно стремившиеся положить конец этому явлению, ставшему тормозом для общественного и экономического развития страны.

Однако была ли у Петра I возможность иным способом решить задачу стремительного роста экономического потенциала России, что, в свою очередь, было непременным условием усиления военной мощи страны, без чего она не могла рассчитывать на то, чтобы стать равноправным участником «европейского концерта»? Наверное, создание крепостного «аналога» капитализма в России XVIII в. в какой-то мере можно сравнить с кампанией по индустриализации, которую проводили большевики в советской России в 1930-е годы. Во многом она подорвала сельское хозяйство страны, ресурсы которого нещадно изымались и шли на экспорт ради обеспечения высоких темпов развития промышленности. От последствий этой политики разоренное колхозное крестьянство долго потом не могло оправиться. Однако если бы индустриализация страны не была осуществлена в кратчайшие сроки, СССР в дальнейшем вряд ли смог бы успешно противостоять нацистской Германии в Великой Отечественной войне и в конечном счете одержать победу.

Стремление к абсолютному самодержавию

Наибольшие нарекания в адрес Петра I со стороны Русской Церкви связаны, безусловно, с упразднением в ней патриаршества и учреждением Святейшего Синода, а также с использованием финансовых ресурсов Церкви в интересах государства и существенными ограничениями, которым при царе Петре подверглись русские монастыри и монашество. Однако даже в этом случае вряд ли будет справедливым утверждать, что Российский государь действовал исключительно по произволу

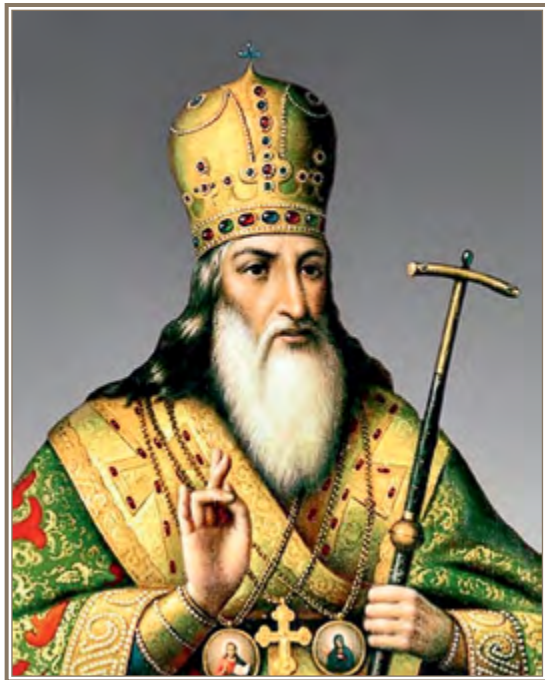
и сознательно стремился нанести вред Русской Церкви.

Что касается упразднения Петром I патриаршества, в этом можно усмотреть вполне четкую логику. Укрепление власти Российского монарха (надо отметить, что Россия по итогам Петровских реформ по-прежнему оставалась православной самодержавной монархией, хотя и обрела многие черты европейского абсолютизма) было важнейшей составляющей программы преобразований, направленных на ускоренную модернизацию страны, без чего они в принципе были невозможны. Между тем XVII век явил весьма яркие и, пожалуй, довольно неожиданные образцы того, как традиционная симфония государства и Церкви в Московском царстве дала крен не в сторону власти монарха (как это было уже привычным со времен великого князя Ивана III), а, напротив, в сторону предстоятеля Русской Церкви.

Самым примечательным примером такого рода, безусловно, была деятельность патриарха Никона, которая в итоге завершилась бурным конфликтом между предстоятелем Русской Церкви и царем Алексеем Михайловичем, а затем и низложением самого Никона с патриаршества. Причиной конфликта стал провозглашенный принцип «священство выше царства», опасно приближавшийся в своей логике к римской модели государственно-церковных отношений, подразумевающей главенство папы не только над Церковью, но и над католическими монархами Европы. И хотя Алексей

А.Д. Кившенко, Патриарх Никон предлагает новые богослужебные книги, 1880 г.



патриарх Иоаким

Михайлович, разглядевший в идеологии Никона опасность для своей власти, пресек ее на корню самым жестким и решительным способом, память об этом прецеденте была еще слишком свежа на рубеже XVII – XVIII веков, и царь Петр, осуществляя синодальную реформу, несомненно, находился под впечатлением от печального опыта своего отца по части государственно-церковных отношений.

В случае отказа от преобразований Россия, вероятнее всего, потеряла бы свой суверенитет и превратилась в колонию.

Но, пожалуй, еще более близким и ярким примером того, как патриаршая власть может возвыситься над царской, к тому же окрашенным личными впечатлениями, полученными в детстве, было для Петра I участие в политической жизни России другого патриарха — Иоакима. Это может показаться до некоторой степени парадоксальным, поскольку именно благодаря решительному вмешательству патриарха Иоакима в государственные дела после смерти царя Федора Алексеевича в 1682 году царский престол был передан именно Петру Алексеевичу.

Предстоятель Русской Церкви в данном случае исходил, прежде всего, из интересов Российского государства. Следующий по старшинству

сын царя Алексея Михайловича — Иван Алексеевич был болезненным и имел репутацию слабоумного человека, что делало невозможным его самостоятельное правление и неизбежно открывало дорогу временщикам из числа его родственников по матери — Милославских и их сторонников. Поэтому патриарх Иоаким принял самые энергичные меры, чтобы обеспечить переход престола к здоровому и умственно полноценному Петру, рожденному от второй жены Алексея Михайловича — Натальи Кирилловны Нарышкиной. Правда, стоит напомнить, что Петр был крестником Иоакима, и патриарх, вероятно, еще и по этой причине имел сугубое попечение о судьбе этого царевича.

Но несмотря на все усилия Иоакима, вскоре на некоторое время верх все же одержали сторонники Милославских. Петру пришлось разделить престол со своим номинально провозглашенным царем старшим братом Иваном Алексеевичем, а реальную власть уступить сестре Софье, ставшей регентшей при обоих юных государях. Но все же Петр Алексеевич юридически оставался правящим монархом. Это позволило ему в 1689 году взять реванш и, отстранив от власти Софью, фактически стать полноценным самодержавным государем (Иван Алексеевич формально оставался соправителем царя Петра до своей кончины в 1696 году, но реального участия в управлении государством не принимал). Однако и в этом случае победа Петра над сторонниками Софьи оказалась возможной во многом благодаря решительной поддержке, которую молодому царю оказал опять же патриарх Иоаким незадолго до своей кончины.

Таким образом, Петр, который, казалось бы, должен был быть благодарен Иоакиму за свое воцарение, в реальности имел все основания считать, что патриаршество является вторым полюсом власти в Российском государстве, который в определенной политической ситуации может вполне успешно конкурировать с властью царской. Разумеется, поставив перед собой задачу достичь полного и абсолютного единодержавия, Петр I, начинавший реформу церковного управления лишь с целью обеспечить использование материальных ресурсов Церкви в интересах государства, в конечном счете пришел к мис-

ли о необходимости полностью упразднить в Русской Церкви патриаршество.

Шоковая терапия

Упразднение патриаршества и перестройка всего механизма высшего церковного управления, безусловно, обернулись для Русской Церкви не только полной зависимостью от государства, но и значительными по своим масштабам потерями материальных ресурсов. Более всего пострадали русские монастыри, у которых средства, поступавшие от их земельных владений, при Петре I нещадно изымались в пользу государства, а при Екатерине II монастырские вотчины в большинстве своем вообще были секуляризованы (что сопровождалось закрытием почти половины всех обителей).

Однако следует отметить, что Петр I оценивал русское монашество прежде всего с точки зрения его полезности для Российского государства и в итоге сформировал свое негативное, но во многом вполне оправданное мнение о нем на основании того состояния, в котором русские монастыри пребывали к концу XVII века. И состояние это, к сожалению, приходится признать, было абсолютно кризисным, о чем красноречивее всего свидетельствует практически полное отсутствие в нашем Месяцеслове имен подвижников того времени. Таковых про-

сто почти не было в ту эпоху. При этом кризис в сфере духовно-аскетической никак не компенсировался ни социально-благотворительной, ни образовательной деятельностью, которой русские монастыри в то время также почти не вели. Попытки патриарха Иоакима и царя Федора Алексеевича изменить к лучшему положение в этой сфере, как известно, ни к чему не привели.

Шоковая терапия, начатая Петром I и продолженная еще более радикальными мерами Екатериной II, в конечном счете не осталась и без положительных последствий для русского монашества, которое уже к началу XIX века начинает испытывать духовный подъем. Яркое

Император Петр Великий перевозит мощи святого князя Александра Невского в Санкт-Петербург. Гравюра XIX века (вверху) Новоспасский монастырь (внизу)





Петрушко Владислав Игоревич (род. 1966 г.) — российский церковный историк и журналист, доктор церковной истории, кандидат исторических наук, профессор кафедры истории Русской Церкви Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета (ПСТГУ). С 2002 г. — шеф-редактор интернет-портала «Седмица.ru» при церковно-научном центре «Православная энциклопедия». Автор нескольких монографий по церковной истории и нескольких десятков научных статей, участник российских и международных научных конференций.

тому свидетельство — духовный подвиг преподобного Серафима Саровского, Оптинских старцев, Валаамских подвижников и многих других.

Хотя в результате синодальной реформы Российское государство и подчинило себе Русскую Церковь, поставив ее под свой жесткий контроль, все же это было православное государство, и зависимость от него не всегда оборачивалась для Церкви отрицательными последствиями, хотя таковые, безусловно, также имели место. Были и положительные моменты. Так, например, именно в синодальный период Русская Церковь развивает значительную миссионерскую активность и на окраинах Российской империи, и за ее рубежами. В частности, ее очевидными плодами являются Православные Церкви, возникшие в то время и действующие ныне в Америке и Японии.

Но все же главным итогом положительного влияния государства на церковную жизнь в синодальный период следует признать развитие в Русской Церкви полноценной системы

духовного образования. Долгие годы Русская Церковь не могла самостоятельно решить эту проблему. И лишь после Петровской реформы в России появляется сеть духовных школ. Постепенно они развиваются и достигают весьма высокого уровня, и, пережив реформу в начале XIX века, а затем цепь последующих преобразований, превращаются в совершенную систему духовных академий, семинарий и училищ, которая становится основой для масштабного развития богословских наук не только в России, но и в других православных странах. Не будет преувеличением сказать, что, если бы русские духовные школы не достигли в синодальный период высочайшего уровня развития, вряд ли без их благотворного влияния было бы возможно возрождение и развитие православного богословия в современных Греции, Болгарии, Румынии, Грузии и других странах. Самой же красноречивой характеристикой русских духовных школ синодального времени является подвиг сонма новомучеников Российских XX века, абсолютное большинство которых не только получили блестящее образование, но и духовно сформировались в академиях и семинариях до революционной поры.

Словом, какое бы явление из «Петра творений» мы ни затронули, пожалуй, в каждом из его свершений, несмотря на их проблемность и неоднозначность, можно увидеть и немало положительного, обернувшегося пользой как для Государства Российского, так и для Русской Церкви. Подытоживая сказанное, еще раз подчеркнем: Петровским реформам невозможно дать однозначную оценку.

Литература

- Анисимов Е.В. Государственные реформы Петра Великого. СПб., 1997.
 Анисимов Е.В. Императорская Россия. СПб., 2011.
 Анисимов Е.В. Петр Первый: благо или зло для России? М., 2017.
 Архангельский А. Духовное образование и духовная школа в России при Петре Великом. Казань, 1883.
 Верховской П.В. Учреждение Духовной коллегии и Духовный регламент: К вопросу об отношении Церкви и государства в России. Т. 1–2. Ростов-на-Дону, 1916.
 Востоков Н.М. Святейший Синод и отношения его к другим государственным учреждениям при императоре Петре I // Журнал министерства народного просвещения. 1875. Июль. С. 52–85; Август. С. 153–198; Декабрь. С. 358–378.
 Горчаков М.И. Монастырский приказ. СПб., 1868.
 Живов В.М. Из церковной истории времен Петра Великого: исследование и материалы. М., 2004.
 Знаменский П.В. Духовные школы в России до реформы 1808 г. Казань, 1881.
 Кедров Н.И. Духовный регламент в связи с преобразовательной деятельностью Петра Великого. М., 1886.
 Ольшевский Н.М. Святейший Правительствующий Синод при Петре

- Великом, его организация и деятельность. Киев, 1894.
 Павленко Н.И. Петр I и его время. М., 1989.
 Павленко Н.И. Пётр Великий. М., 1998.
 Павленко Н.И. Царевич Алексей. М., 2008.
 Павленко Н.И. Петр Первый. М., 2010.
 Панченко А.М. Русская культура в начале петровских реформ. Л., 1984.
 Панченко А.М. Церковная реформа и культура Петровской эпохи // XVIII век. Сб. 17. СПб., 1991.
 Пекарский П.П. Наука и литература в России при Петре Великом. СПб., 1862. Т. 1–2.
 Рункевич С.Г. История Русской Церкви под управлением Святейшего Синода. Т. 1. СПб., 1900.
 Самарин Ю.Ф. Стефан Яворский и Феофан Прокопович // Сочинения. Т. 5. М., 1880.
 Скворцов Г.А. Патриарх Адриан, его жизнь и труды в связи с состоянием русской церкви в последнее десятилетие XVII века. Казань, 1913.
 Смолич И.К. История Русской Церкви. 1700—1917 // История Русской Церкви: в 9 т. Т. 8. ч. 1. М., 1996.
 Харлампович К.В. Малороссийское влияние на великорусскую церковную жизнь. Казань, 1914. Т. 1.
 Чистович И.А. Феофан Прокопович и его время. СПб., 1868.